

НЕНОРМАТИВНЫЕ СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В РУНЕТЕ: СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА ФОРМ

© Анна Вяльсова

NON-NORMATIVE PAST PASSIVE PARTICIPLES: SEMANTICS AND GRAMMAR OF FORMS

Anna Vyalsova

The article deals with the occasional past passive participles of the type *zabluzhennyi*, *prisnennyi*, derived from the reflexiva tantum verbs. The problem of the derivation and use of these forms raises a number of questions related to the definition of the criteria for the normativity of these derivatives, their qualification as an error or as a language game, and an explanation of the reasons for their use. The material for the corpus-based study is data from “The General Internet-Corpus of Russian (GICR)”. The purpose of the study is to search for derivational principles of occasional participles, to evaluate statistics of their use, to consider the contextual conditions of the use of participles with subjects and objects of different types, and to determine the main lexical and grammatical meanings of the words. As a result of the study, we have discovered that the derivation of these participles has an almost twenty-year tradition, since most of the forms were first fixed in the corpus in 2004–2006. Non-normative participles are most often derived from reflexive verbs directly, by passing the stage of a non-normative transitive verb without the postfix *-sya*. A contextual analysis shows that non-normative past passive participles are more often used with inanimate names. Finally, there were identified three meanings of the non-normative past passive participles: a resultative meaning of the time precedence of the main predicate, a stative meaning denoting the state of the subject or object without reference to the preceding action, and an adjectival meaning emphasizing timelessness, constancy of the described feature, which allows qualifying the obtained forms as verbal adjectives. Explanations given by the users to the forms of participles, words in quotation marks, and a reference to a motivating verb stem allow us to conclude that some non-normative derivatives are the result of a language game. The reason for such word creation can be considered as the speaker’s goal to fill the lexical and grammatical lacuna, obtaining the meaning of an unintentional, unconscious state without referring to a specific situation in the past. This study makes it possible to identify the main tendencies in the language of the Runet.

Keywords: past passive participle, reflexiva tantum verbs, resultative, stative, adjectival meaning

В статье анализируются окказиональные страдательные причастия прошедшего времени типа «заблуженный», «присненный», образованные от глаголов reflexiva tantum. Проблема образования и употребления указанных форм ставит целый ряд вопросов, связанных с определением критериев нормативности данных образований, их квалификацией как ошибки или как языковой игры, объяснением причин их использования. Материалом корпусного исследования послужили данные Генерального Интернет-корпуса Русского Языка (ГИКРЯ). Цель исследования – выявление принципов образования окказиональных причастий, оценка частотности их употребления, рассмотрение контекстуальных условий употреблений причастных форм с субъектами и объектами разных типов, определение основных лексико-грамматических значений слов. В результате исследования было обнаружено, что образование данных причастий имеет почти двадцатилетнюю традицию, поскольку большинство форм впервые зафиксировано в корпусе в 2004–2006 гг. Ненормативные причастия чаще всего образуются от возвратных глаголов напрямую, минуя ступень образования ненормативного переходного глагола без постфикса *-ся*. Контекстуальный анализ показал, что ненормативные страдательные причастия чаще употребляются с неодушевленными именами. Наконец, были выявлены три значения формы ненормативного страдательного причастия: результатив со значением предшествования времени действия основного предиката, статив, обозначающий состояние субъекта или объекта без отсылки к предшествующему действию, и адъективное значение, подчеркивающее вневременность, постоянство описываемого признака, что позволяет квалифицировать полученные формы как отглагольные прилагательные. Пояснения пользователей к формам причастий, написание слов в кавычках, отсылка к мотивирующей глагольной основе по-

зволяют сделать вывод, что некоторые ненормативные образования являются результатом языковой игры. Причиной такого словотворчества можно считать цель говорящего заполнить лексико-грамматическую лауну и получить значение ненамеренного, неосознанного состояния без отсылки к конкретной ситуации в прошлом. Данное исследование позволяет выявить основные тенденции в языке современного Рунета.

Ключевые слова: страдательное причастие прошедшего времени, глаголы *reflexiva tantum*, результаты, статов, адъективное значение

Для цитирования: Вяльсова А. Ненормативные страдательные причастия прошедшего времени в Рунете: семантика и грамматика форм // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2025. № 1 (79). С. 28–23. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-28-36

В современных исследованиях аномальных языковых явлений, помимо фиксации языковых единиц, образованных или употребленных с нарушением нормы, предпринимается попытка объяснить причины возникновения описываемых явлений. Окказионализмы позволяют выявить грамматические и семантические лакуны, которые заполняют носители языка. Созданные слова и конструкции могут закрепиться в языке, а могут стать фактом разговорной речи только на определенном временном отрезке, но изучение ненормативных языковых явлений важно для составления целостной картины языка.

Аномалии глагольных форм – наиболее интересная и непредсказуемая группа новообразований, так как в производных словах особым образом взаимодействуют семантика и грамматические категории глагольных форм. Данная тема в последнее время все больше обращает на себя внимание исследователей: например, псевдопричастия – отглагольные образования, формально напоминающие причастия, но развивающие другую семантику, – рассмотрены В. А. Плунгяном [1], случаи образования ненормативных страдательных причастий настоящего времени и их использование в поэтических текстах были исследованы Л. В. Зубовой [2], в статье И. В. Замятиной и А. В. Егоровой проанализированы причастные окказионализмы – архитектурные термины [3].

Объектом настоящего исследования являются отглагольные образования от непереходных глаголов типа *зablуженный*, *присненный*. Поскольку данные формы имеют суффиксы, соотношенные с суффиксами страдательных причастий прошедшего времени, далее для удобства соотнесения с нормативными формами они будут именоваться страдательными причастиями прошедшего времени. В статье будут рассмотрены принципы образования, а также грамматические и семантические особенности указанных глагольных форм, будут выявлены те смыслы, которых «не хватает» говорящим при использовании нормативных старательных причастий

прошедшего времени. Материалом исследования послужили данные Генерального Интернет-корпуса Русского Языка (ГИКРЯ) [4]. Корпусные методы исследования на основе ГИКРЯ в большей степени позволяют проанализировать аномальный материал, поскольку поиск осуществляется по социальным сетям, где можно обнаружить примеры словотворчества, определить примерное возникновение новых слов, с помощью статистических методов исследования выявить слова, которые являются наиболее «модными» в определенный временной отрезок.

Однако работа с окказионализмами в ГИКРЯ требует определенной методологии. При работе с окказионализмами необходимо прибегать к методу лингвистического моделирования. Поиск слова с заданными грамматическими характеристиками не дает возможности выявить ненормативные формы, образованные с помощью других суффиксов. Так, поиск причастия от глагола *зablудиться* в Живом Журнале дал 101 употребление нормативно образованного слова *зablудившийся*, однако искусственно созданное слово *зablуженный* позволило обнаружить 13 словоупотреблений. Кроме того, следует учитывать авторскую орфографию, ошибочные написания, вариативность написания слова. Например, при поиске образований от глагола *надеяться* встречались написания как с двумя, так и с одной буквой *н*: *Бутьте бдительным, само надеяны в себе* [4] (здесь и далее разрядка наша. – А. В.). Часть полученных форм требовала разграничения реальных окказионализмов и слов с опечатками: например, слово *заикнутый* в словосочетании *заикнутый круг* – результат ошибки при наборе текста на клавиатуре, где буквы *м* и *и* находятся рядом.

Список глаголов, от которых образованы рассматриваемые в исследовании причастия, представлен группой возвратных глаголов *reflexiva tantum*, большая часть которых приведена в диссертации С. Л. Лукиной [5, с. 97]. Образование ненормативных причастий от других групп глаголов рассмотрено в [6].

Поскольку примеры взяты из социальных сетей и представляют собой большей частью неотредактированные тексты, в них сохраняются авторская орфография, пунктуация, выделения фрагментов текста кавычками и заглавными буквами.

1. Принципы образования окказиональных страдательных причастий прошедшего времени

Грамматические условия образования страдательных причастий прошедшего времени – вопрос, который давно обсуждается в науке. Основными условиями образования страдательных причастий прошедшего времени выступают категория вида и переходность глагола. Страдательные причастия прошедшего времени отличаются нерегулярностью образования от глаголов несовершенного вида. В «Русской грамматике» (1980) отмечается: «Более регулярно образование страдат. причастий прош. вр. у переходных глаголов сов. вида» [7, т. 1, с. 671]. F. M. Borrás и R. F. Christian категорично заявляют о том, страдательные причастия прошедшего времени образуются только от глаголов совершенного вида, за исключением нескольких бесприставочных частотных глаголов типа *писать, читать, петь* [8, с. 168]. Проблема квалификации форм на *-ный*, образованных от глаголов несовершенного вида, как причастий или как отглагольных прилагательных подробно рассматривается в работах В. В. Виноградова [9, с. 234] и Л. П. Калакуцкой [10, с. 166–175].

Переходность производящего глагола также не является гарантией наличия формы страдательного причастия прошедшего времени. «Страд. причастия прош. вр. могут быть образованы далеко не у всех переходных глаголов» [7, т. 1, с. 671]. По замечанию В. С. Храковского, «информацию о наличии/отсутствии пассивной диатезы у глагольных лексем, очевидно, трудно сформулировать в виде компактного грамматического правила, не знающего исключений, из-за вероятностной природы пассивного преобразования, и поэтому данную информацию следует приписывать лексемам в словаре» [11, с. 10]. Формы, образованные от непереходных глаголов, принято считать отглагольными прилагательными, так как страдательный залог, как правило, напрямую связывают с переходностью глагола: «...только от переходных глаголов образуются страдательные причастия» [12, с. 70]. «Непереходные глаголы образуют причастия только действит. залога» [7, т. 1, с. 666] (разрядка источника. – А. В.). В словаре причастий И. К. Сазоновой в обобщенной таблице, пред-

ставляющей образование причастных форм, для непереходных глаголов не указана возможность иметь причастную форму [13, с. 19]. Однако некоторые исследователи допускают возможность образования страдательных причастий прошедшего времени от непереходных глаголов, мотивируя это тем, что страдательный залог и переходность взаимосвязаны, но не обуславливают друг друга. Н. Я. Янко-Триницкая объясняет появление форм страдательных причастий от непереходных глаголов «изменением в переходности производящих глаголов» [12, с. 70], см. также в [1]. А. Timberlake расширяет понятие переходности для глаголов *reflexiva tantum*, называя их «semi-transitive» [14, с. 345], что соотносено с идеей А. В. Исаченко о том, что наличие в данных глаголах возвратного постфикса *-ся* «не может быть истолковано как выражение непереходности, т. к. глаголы типа *бояться* или *разбежаться* не противостоят переходным глаголам без *-ся*» [15, с. 402]. Ю. П. Князев различает субъектные, объектные и двудиатезные конструкции со страдательными причастиями, которые в большей степени зависят от соотношения актантов в исходной глагольной конструкции и получившейся причастной конструкции, чем от переходности глагола [16, с. 527], однако некоторые группы получившихся причастий, по его мнению, находятся на границе нормы [Там же, с. 533].

Анализ данных ГИКРЯ позволил выявить способы образования окказиональных причастий.

Большинство ненормативных причастий образовано от возвратного глагола, однако место нормативного возвратного действительного причастия занимает страдательное причастие прошедшего времени.

(1) *Вышел после процедуры гастроскопии весь в соплях, закашлянный* [4].

(2) *не хочу искать дорогу хочу быть заблужденным в тебе* [Там же].

(3) *Через месяц и еще чуть чуть потусим, мы тоже все по вам истоскованные* [Там же].

В данных примерах окказиональные причастия можно заменить нормативными: (1) *закашлявшийся*, (2) *зablудившийся*, (3) *истосковавшийся*.

Приведенные выше окказиональные страдательные причастия прошедшего времени образованы от глаголов совершенного вида, однако в корпусе встретились образования и от глаголов несовершенного вида: (4) *Мужем битая, журналогами пуганая, блогерами смеяная* [Там же]. Здесь причастие *смеяная* образовано, вероятно,

от глагола несовершенного вида *смеяться над кем-то*.

В некоторых примерах поддерживается связь с мотивирующим глаголом: (5) *Зазнавайся. Я тебя и зазнатого любить буду* :) [Там же].

Интересно отметить образование слова *воспользованный*. В данном случае наблюдается контаминация слов *использовать* и *воспользоваться*:

(6) *Может есть у кого не воспользованный велотренажёр?* [Там же];

(7) *А, ваша Любовь – она какая?, эгоистичная, вы чувствуете себя предательски – воспользованы?!* [Там же];

(8) *Значит теперь должны понимать что эти же законы будут воспользованы против вас* [Там же].

Вероятно, глагол *воспользоваться* в значении «использовать для себя» смешался с глаголом *использовать*, что позволило образовать форму страдательного причастия с семантикой возвратности, при этом основное значение «для себя», скорее всего, связано с приставкой. В примерах (6), (7) и (8) подчеркивается действие в своих интересах.

В следующую группу можно отнести отглагольные образования от возвратных глаголов с реципрокальным значением: *расстатый, поздорованный, пороцатый*. В некоторых случаях получившаяся форма сохраняет реципрокальность:

(9) *Во-первых, мы расстались с Серёжей. Договорились мы об этом ещё в декабре, но вот уже как день мы реально расстатые* [Там же].

Показательно, что пользователь приводит в тексте производящий глагол, чтобы результат его словотворчества был понятен. Интересно, что в ГИКРЯ не встретилась форма *расстанный* с суффиксом *-нн*, хотя имеется улица *Расстанная* в Санкт-Петербурге, происхождение названия которой вызывает споры. По одной из версий, название улицы восходит не к глаголу *растаться*, а названию трактира «*Расстанье*» [17, с. 211–212], что соответствует наблюдениям В. В. Виноградова над происхождением форм на *-нный* и *-тый*: «...все крепче и неразрывнее становилось их отношение к отглагольным существительным главным образом на *-ение, -ание, -тие*» [9, с. 235].

Однако взаимно-возвратный характер семантики производящего глагола *расстаться, поздороваться, попрощаться* может быть стерт в получившемся причастии:

(10) – *у нас есть средства, хотя кризис и расстатый муж конечно может сильно изменить положение вещей* [Там же];

(11) *А интересно, что мы делаем, здороваясь с людьми, и наоборот – прощаясь? Какие метаморфозы происходят с «поздорованным» и «попрощатым» человеком?* [Там же].

В примерах (10) и (11) один из субъектов, участвующих во взаимном действии, начинает осмысляться говорящим как объект, с которым попрощались или поздоровались.

Особого внимания заслуживает образование *надеянный*, обладающее множественной мотивацией. С одной стороны, некоторые случаи употребления слова позволяют судить о том, что оно образованно от глагола *надеяться*:

(12) *Как всегда, самое любимое, долгожданное, надеянное. Моя любимая Карелия* [Там же];

(13) *Но получила 4 вместо надеянной 5 ки* [Там же].

В то же время можно предположить, что слово *надеянный* образовано путем декомпозиции от слова *самонадеянный*, при этом берется во внимание внутренняя форма слова в значении «надеяться на себя», эта мотивация часто подтверждается в контексте местоимением или элементом *само-*:

(14) *ну, я думаю, что все неправы) одни слишком были очарованы и надеянные, не само* [Там же].

Окказиональное образование *облокоченный*, вероятно, должно было бы быть мотивировано глаголом *облокотиться* или даже *облокотить*, поскольку этот тип возвратных глаголов может образовывать невозвратную форму, если субъектность действия сохраняется в контексте на лексическом уровне: *облокотить руку*, где рука выступает как неотделимая часть целого, а не как объект. Следует отметить, что слово *облокоченный* встречается в 9 примерах употребления по материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ), причем в произведениях А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. В. Набокова и др. Например, (15) *Свияжский сидел боком к столу, облокоченною рукой поворачивая чашку, другую собирая в кулак свою бороду и поднося ее к носу и опять выпуская, как бы нюхая* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина) [18]. Между тем в ГИКРЯ значение слова *облокоченный* расширилось до значения «прислонить что-то»:

(16) *она гоняла по квартире шарики воздушные, роняла матрас, облокоченный о стену (160 x 200) и сбрасывала все шампуни* [4];

(17) *Она почти лежала, вытянувшись, только голова была облокочена о бревно* [Там же].

В приведенных примерах (16) и (17) слово *облокоченный* теряет свою внутреннюю связь со словами *локоть* и *рука*.

Ненормативность следующей группы причастий связана не с формой самого причастия, а с мотивирующей глагольной основой. Так, форма *ошибнутый* восходит к глаголу *ошибнуться* или *ошибнуть*:

(18) *Но вроде без экцессов – все ошибнутые быстро исправились, баллов за это разумеется не снимала :-)* [Там же];

(19) *Мне кажется, что уж в своей-то работе я всегда увижу образовавшийся дефект. Но, проходит примерно год... как вещь эксплуатируется по назначению и я уже сама с трудом нахожу это «ошибнутое» место* [Там же]. В данном примере пользователь взял окказионализм в кавычки, подчеркивая искусственность образования. Если в примере (18) форма *ошибнутые* употребляется вместо *ошибившиеся*, то в примере (19) можно предположить, у выражения *ошибнутое место* наличие связи с существительным *ошибка*, поскольку имеется в виду место с ошибкой.

В связи с тем, что в возвратных глаголах *reflexiva tantum* постфикс рассматривается не как формообразующий, а как словообразующий аффикс, проблема образования окказиональных страдательных причастий от указанных глаголов попадает в область словообразования, в частности, связана с депостфиксацией. При этом «мотивированное слово, возникшее в результате обратного словообразовательного процесса...соответствует по структуре пропущенному звену словообразовательной цепочки» [19, с. 48]. Окказиональное страдательное причастие имеет множественную мотивацию. Так, причастие *улыбнутый* можно соотнести с возвратным глаголом *улыбнуться*, а можно в некоторых случаях объяснить образование этой формы отсылкой к ненормативному депостфиксированному глаголу *улыбнуть* с каузативным значением: *улыбнуться – улыбнуть – улыбнутый*. Условия и причины образования глагола *улыбнуть* детально были рассмотрены Т. И. Стековой [20].

Некоторые формы можно соотносить с разными производящими основами. Например, рассмотренная выше форма *растатый* может восходить к каузативному невозвратному глаголу *растать/расставать*.

(20) *где вариант, когда оба расстающие и расстатые одновременно?*

Глагол *расставаться* с реципрокальным значением в результате депостфиксации оказался представленным парой значений: каузативного «делать одиноким», «оставлять» и декаузативного значения «быть брошенным, одиноким».

Анализ особенностей образования окказиональных причастных форм показывает, что поль-

зователи в основном используют форму возвратного глагола для образования страдательного причастия, не обращая внимания на грамматическую непереходность исходного глагола.

2. Статистика употребления окказиональных страдательных причастий прошедшего времени по материалам ГИКРЯ

В рамках исследования были рассмотрены 23 причастные формы. В таблице 1 представлена статистическая информация, дающая представление о частотности и распространении некоторых форм, а также о примерном времени возникновения формы. Поскольку данные ГИКРЯ ведутся только с 2003 г., нет возможности определить более ранние даты употребления в речи рассматриваемых глагольных форм.

Таблица 1

№	Окказиональное причастие	Мотивирующий глагол	Количество употреблений	Первое употребление по ГИКРЯ
1	Зазнатый	Зазнаться	166	2005
2	Залеженный/залежаный	Залежаться	79	2004
3	Втресканный	Втрескаться	73	2006
4	Облокоченный	Облокотить(ся)	54	2003
5	Воспользованный	Воспользоваться	49	2006
6	Наклоканный	Наклокаться	47	2005
7	Заикатый	Заикаться	44	2004
8	Надеянный	Надеяться	27	2005
9	Заблуженный	Заблудиться	19	2006
10	Назюзюканный	Назюзюкаться	15	2004
11	Зазеванный	Зазеваться	9	2008
12	Захлебнутый	Захлебнуться	8	2006
13	Истоскованный	Истосковаться	8	2005
14	Присненый	Присниться	6	2006
15	Поздорованный	Поздороваться	5	2008
16	Расстатый	Расстаться	5	2006
17	Ошибнутый	*Ошибнуться	4	2009
18	Позаренный	Позариться	2	2007
19	Заартаченный	Заартачиться	1	2020
20	Закашлянный	Закашлять	1	2016

		ся		
21	Застеснен- ный	Застеснять- ся	1	2007
22	Попрощатый	Попро- щаться	1	2008
23	Смеяный	Смеяться	1	2012

Анализ контекстов употребления показал, что часть окказиональных причастий употребляется исключительно с неодушевленным субъектом: *позаренный, заартаченный*.

(21) *мне ещё нож подарили, мною позаренный, Kyoto* [Там же].

(22) *в полушариях шарят ядерные квадраты, заартаченный воздух в пылающей фактуре* [Там же].

Однако большинство окказиональных причастий определяет личный субъект, поскольку в семантике их глагольного корня присутствует личный компонент: *втресканный, зазеванный, зазнатый, заикатый, закашлянный, захлебнутый, назюзюканный, наклюканный, поздорованный, попрощатый, расстатый*.

Оставшиеся окказиональные образования могут употребляться как с личным, так и с неличным субъектом, причем распределение форм может сильно отличаться у причастий с разной семантикой. Например, причастие *залеженный/залежанный* с одушевленным субъектом в основном употребляется в цитатах из поэмы В. В. Маяковского «Облако в штанах» – *залежанные мужчины*, а остальные примеры связаны с товарами и предметами мебели, которые семантически соотнесены с лежанием. Кроме того, в некоторых примерах наблюдается соотношение окказионализма *залежанный* с причастием *засиженный* от глагола *засидеть* в значении «испачкать испражнениями» (о птицах), например, в предложении (23) *диван и кресло покрывала купили а то всё Топкинсоном залежанное* [Там же]. Вероятно, речь идет о домашнем питомце, который испортил мебель, потому что часто лежал на ней. Причастие в данном примере мотивировано глаголом *залежать* в значении «испортить», а не *залежаться* в значении «испортиться».

Причастие *присненный* в основном употребляется в сочетании *присненные сны*: (24) *С субботы моя френд-лента пестрит записями про присненные сны* [Там же]. Единственное обнаруженное причастие при одушевленном субъекте связано с Я говорящего: (25) *Решил отписать таки, ибо сам был приснен в музыкальном контексте, причем с участием Ильи Белорукова* [Там же].

Напротив, причастие *зablуженный* в основном употребляется с одушевленными именами: (26) *не хочу искать дорогу хочу быть зablуженным в тебе* [Там же]. Единственный пример с неодушевленным субъектом обусловлен близостью семантики *зablудиться – место*: (27) *мы зablудились и в этом зablуженном месте их было просто море* [Там же].

В таблице 2 представлено количественное распределение форм, относящихся к одушевленному субъекту и к неодушевленному субъекту.

Таблица 2

№	Окказиональное причастие	Одушевленный субъект	Неодушевленный субъект
1	Залеженный/залежанный	4	75
2	Облокоченный	6	43
3	Воспользованный	2	47
4	Надеянный	16	11
5	Зablуженный	18	1
6	Истоскованный	5	3
7	Присненный	1	5
8	Ошибнутый	3	1

Полученные данные показывают, что окказиональные формы страдательных причастий чаще употребляются с неодушевленным субъектом, однако агенсом действия в текстах социальных сетей, как правило, выступает одушевленный субъект – сам говорящий или субъект 3 лица в функции объекта обсуждения.

3. Семантико-грамматические особенности окказиональных страдательных причастий прошедшего времени

У окказиональных страдательных причастий прошедшего времени можно выделить три семантико-грамматических значения.

1. Пассивное, или результативное, значение.

Данное значение может проявляться в способности формы сочетаться с именем существительным в творительном падеже в функции агенса. Например, (28) *Вот будешь смотреть на складки, залежанные маленьким котиком и его шерстинки, и вспомнишь на работе* [Там же]. В приведенном примере *маленький котик* выполняет функцию агенса, который кратно совершал действие, приведшее к результату, выраженному причастной формой.

Кроме того, результатив выражается в том, что признак, описываемый причастной формой, – это последняя, заключительная стадия развития действия, например, (29) *блудился блудился и вернулся зablуженный* [Там же].

В результате сильна связь с предшествующим действием, именно поэтому значение относительного времени данной формы страдательного причастия, как правило, – предшествование основному предикату [21, с. 334]. При этом обращение причастной формы к предшествующим событиям может создавать два типа контекстов: 1) одноплановый узувальный контекст, в котором действия причастия и глагола-сказуемого принадлежат информативному регистру. Например, (30) *Единожды присненное не может быть возвращено в хаос никогда* [Там же]. В данном примере время действия субстантивированного причастия *присненное* предшествует событиям, выраженным основным предикатом. 2) разноплановый контекст, который, как правило, оформляется репродуктивным регистром и организуется актуальным временем: (31) *Так что я – вся осознавшая и всё понявшая – сижу... и просто жду сегодняшнего вечера – чтоб начать исправлять ошибнутое :))* [Там же]. Ситуация представлена в актуальном времени, а окказиональное субстантивированное причастие *ошибнутое* удерживает значение предшествования и создает разноплановость описываемой ситуации. Вероятно, слово *ошибнутое* выбирается вместо прилагательного *ошибочный*, поскольку отсылает к конкретным событиям в прошлом, что невозможно выразить формой прилагательного. Думается, что семантика пассива и результата окказиональных страдательных причастий понадобилась для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть неконтролируемость состояния говорящего (*заблужденный, присненный* вместо *заблудившийся, приснившийся*), а с другой стороны, поскольку возвратное действительное причастие прошедшего времени в большей степени связано с глаголом и, соответственно, с действием, окказиональное страдательное причастие выступает средством выражения результативного состояния.

2. Стативное значение.

Статив обозначает «завершающую стадию процесса, без отсылки к предшествующему положению дел» [21, с. 334]. Стативное значение причастия обычно выражает временное значение одновременности с действием основного предиката и организует одноплановые, однорегистровые фрагменты, как правило, репродуктивно-описательного или репродуктивно-повествовательного типа. Например, в (32) *...посреди моей комнаты зачем-то стоят гитара с обогревателем, облокоченные друг на друга* [Там же] значение одновременности причастной формы подерживается глаголом-сказуемым, стоящим в настоящем времени. Стативное значение причастия

удерживает одновременность и в контексте прошедшего времени: (33) *Вышел после процедуры гастроскопии весь в соплях, закашлянный* [Там же]. В данном примере причастие *закашлянный* стоит в одном ряду с предложно-падежной формой *в соплях*, оба слова используются для описания внешнего состояния говорящего, при этом причастие передает состояние безотносительно к предыдущему действию *закашляться* и заполняет семантическую лауну: нормативное причастие *закашлявшийся* более связано с действием говорящего, если его употребить в контексте примера (33), то содержание ситуации изменится, так как герой будет изображен в процессе кашля. Видимо, выбор стативной формы страдательного причастия вместо возвратной формы действительного причастия прошедшего времени обусловлен желанием говорящего изобразить состояние вне связи с конкретным действием.

3. Адъективное значение.

Слова в данном значении – это, скорее, отглагольные прилагательные, а не причастия, так как они обозначают качество, вневременный признак, не соотносённый с конкретной ситуацией. Например, (34) *Заикатый мальчик – еще куда ни шло. В этом даже свой шарм есть своеобразный* [Там же]. В отличие от причастия *заикающийся*, в котором благодаря суффиксу подерживается связь с моментом речи, форма *заикатый* не связана с моментом речи, а подчеркивает характерную манеру речи человека в целом. Данное образование можно сопоставить с прилагательными, обозначающими внешние качества человека: *косматый, носатый, бородатый*. Слово *зазнатый* еще больше отстоит от речевой ситуации и обозначает вневременную характеристику человека: (35) *Зазнавайся. Я тебя и зазнатого любить буду :)* [Там же]. В данном примере отсутствует пояснение, как именно молодой человек зазнавался. Однако в зависимости от степени связи слова с конкретной ситуацией в контексте может присутствовать поясняющий элемент.

Таким образом, материалы ГИКРЯ показали, что страдательные причастия по-прежнему встречаются в устно-письменной речи социальных сетей, их грамматическое значение осмысливается пользователями, что приводит к возникновению отглагольных окказионализмов. Рассмотренные слова – это не всегда отражение неграмотности пишущего, часто словотворчество помогает заполнить определенные семантико-грамматические лауны. Несмотря на случайное ошибочное образование форм, многие окказионализмы все-таки осмысливаются пользователями как ненормативные, это подтверждают напи-

сания, взятые в кавычки, отсылки к мотивирующему глаголу, объяснения значения получившегося слова. Думается, что выбор формы страдательного причастия прошедшего времени в ее результативном и стативном значениях позволяет передать неконтролируемость, неосознанность действия, сфокусироваться на состоянии субъекта или объекта без отсылки к конкретной ситуации.

Список источников

1. Плузьян В. А. Причастия и псевдопричастия в русском языке: о границах вариативности. URL: [https://www.academia.edu/8063154/Причастия_и_псевдопричастия_\(дата_обращения:_30.10.2024\).](https://www.academia.edu/8063154/Причастия_и_псевдопричастия_(дата_обращения:_30.10.2024).)
2. Зубова Л. В. Неузальные страдательные причастия настоящего времени в современной поэзии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. № 1. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/neuzualnye-stradatelnye-prichastiya-nastoyashego-vremeni-v-sovremennoy-poezii_\(дата_обращения:_30.10.2024\).](https://cyberleninka.ru/article/n/neuzualnye-stradatelnye-prichastiya-nastoyashego-vremeni-v-sovremennoy-poezii_(дата_обращения:_30.10.2024).)
3. Замятина И. В., Егорова А. В. Каннелированная колонна и кессонированный потолок: актуальные тенденции формообразования страдательных причастий в подязыке архитектуры // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи (Ярославль, 17–19 мая 2019 года): сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума. Ярославль, 2019. С. 491–497.
4. ГИКРЯ: 2.0. URL: <https://int.webcorpora.ru/spring2/> (дата обращения: 30.10.2024).
5. Лукина С. Л. Русские возвратные глаголы и их английские эквиваленты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2001. 170 с.
6. Вальсова А. П. Ненормативные формы страдательных причастий прошедшего времени и проблема таксиса // Слово. Словарь. Словесность: выдающиеся имена Герценовской русистики: сборник научных статей / отв. ред. А. И. Дунев. [Б. м.], 2021. С. 64–69.
7. Русская грамматика: научные труды: в 2 т. / ред. Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан. М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2005. 1496 с.
8. Borras F. M., Christian R. F. Russian Syntax: Aspects of Modern Russian Syntax and Vocabulary. 2nd ed. Oxford: Clarendon press, 1971. 444 p.
9. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Русский язык. 2001. 717 с.
10. Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. 227 с.
11. Храковский В. С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 5–38.
12. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962. 247 с.

13. Сазонова И. К. Толково-грамматический словарь русских причастий. Изд. 3-е исправленное. М., 2008. 648 с.
14. Timberlake Alan. A Reference Grammar of Russian. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 503 p.
15. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. М., 2003. 880 с.
16. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. 704 с.
17. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении старинных названий в Ленинграде. Л.: Лениздат, 1960. 146 с.
18. Национальный корпус русского языка: сайт. 2003–2024. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 30.10.2024).
19. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. 221 с.
20. Стеклова Т. И. Улыбнуло: языковое творчество или безграмотность? // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 418–430.
21. Золотова Г. А., Онипенко Н. А., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 524 с.

References

1. Plungian, V. A. (2010). *Prichastiya i psevdoprichastiya v russkom yazyke: o granitsakh variativnosti* [Participles and Pseudoparticiples in the Russian Language: On the Scope of Variation]. URL: <https://www.academia.edu/8063154> Причастия_и_псевдопричастия_ (accessed: 30.10.2024). (In Russian)
2. Zubova, L. V. (2015). *Neuzual'nye stradatel'nye prichastiya nastoyashcheho vremeni v sovremennoi poezii* [Non-usual Present Passive Participles in Modern Poetry. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. Vol. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neuzualnye-stradatelnye-prichastiya-nastoyashego-vremeni-v-sovremennoy-poezii> (accessed: 30.10.2024). (In Russian)
3. Zamyatina, I. V., Egorova, A. V. (2019). *Kannelirovannaya kolonna i kessonirovanniy potolok: aktual'nye tendentsii formoobrazovaniya stradatel'nykh prichastii v pod"yazyke arkhitektury* [Fluted Column and Coffered Ceiling: Current Trends in the Formation of Passive Participles in the Sublanguage of Architecture]. Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi (Yaroslavl', 17–19 maya 2019 goda): sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch. Simpoziuma, pp. 491–497. Yaroslavl. (In Russian)
4. *The General Internet-Corpus of Russian*. URL: <https://int.webcorpora.ru/spring2/> (accessed: 30.10.2024). (In Russian)
5. Lukina, S. L. (2001). *Russkie vozvratnye glagoly i ikh angliiskie ekvivalenty: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Russian Reflexive Verbs and Their

- English Equivalents: Ph.D. Thesis]. Voronezh, 170 p. (In Russian)
6. Vyalsova, A. P. (2021). *Nenormativnye formy stradatel'nykh prichastii proshedshego vremeni i problema taksisa* [Non-normative Forms of Passive Past Participles and the Problem of Taxis]. Slovo. Slovar'. Slovesnost': Vydayushchiesya imena Gertsenovskoi rusistiki: Sbornik nauchnykh statei, pp. 64–69. (In Russian)
 7. Bryzgunova, E. A., Gabuchan, K. V. (Eds.). (1980). *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vols. I–II, 1496 p. Moscow. (In Russian)
 8. Borras, F. M. (1971). *Russian Syntax: Aspects of Modern Russian Syntax and Vocabulary*. 444 p. Oxford, Clarendon Press. (In English)
 9. Vinogradov, V. V. (2001). *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word)]. 717 p. Moscow. (In Russian)
 10. Kalakutskaya, L. P. (1971). *Ad"ektivatsiya prichastii v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Adjectivalization of Participles in the Modern Russian Standard Language]. 227 p. Moscow. (In Russian)
 11. Khrakovskii, V. S. (1981). *Diateza i referentnost' (K voprosu o sootnoshenii aktivnykh, passivnykh, reflektivnykh i retsiproknnykh konstruktii)* [Diathesis and Referentiality (On the Issue of the Relationship Between Active, Passive, Reflexive and Reciprocal Constructions)]. *Zalogovye konstruktii v raznostrukturnykh yazykakh*, pp. 5–38. Leningrad, Nauka. (In Russian)
 12. Yanko-Trinit'skaya, N. A. (1962). *Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Reflexive Verbs in Modern Russian]. 247 p. Moscow. (In Russian)
 13. Sazonova, I. K. (2008). *Tolkovo-grammaticheskii slovar' russkikh prichastii* [Explanatory and Grammatical Dictionary of Russian Participles.]. 648 p. Moscow. (In Russian)
 14. Timberlake, A. (2004). *A Reference Grammar of Russian*. 503 p. Cambridge, Cambridge Univ. Press. (In English)
 15. Isachenko, A. V. (2003). *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologiya* [Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison with Slovak. Morphology]. 880 p. Moscow. (In Russian)
 16. Knyazev, Yu. P. (2007). *Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspective* [Grammatical Semantics: The Russian Language in Typological Perspective]. 704 p. Moscow. (In Russian)
 17. Gorbachevich, K. S., Hablo, E. P. (1960). *Pochemu tak nazvany? O proiskhozhdenii starinykh nazvanii v Leningrade* [Why Are They Called That Way? About the Origin of Old Names in Leningrad]. 146 p. Leningrad, Lenizdat. (In Russian)
 18. *The Russian National Corpus: site 2003–2024*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed: 30.10.2024). (In Russian)
 19. Ulukhanov, I. S. (1996). *Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Units of the Word-formation System of the Russian Language and Their Lexical Implementation]. 221 p. Moscow. (In Russian)
 20. Steksova, T. I. (2018). *Ulybnulo: yazykovoie tvorchestvo ili bezgramotnost'?* [Ulybnulo: Linguistic Creativity or Illiteracy?] *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*. No. 2, pp. 418–430. (In Russian)
 21. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. (1998). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. 524 p. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024
Поступила в редакцию 15.11.2024

Вяльсова Анна Павловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
109651, Россия, Москва,
Иловайская, 9, стр. 2.
vyalsova@yandex.ru

Vyalsova Anna Pavlovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
St. Tikhon's Orthodox University
for Humanities,
9/2 Ilovaiskaya Str.,
Moscow, 109651, Russian Federation.
vyalsova@yandex.ru